

И.А. Курляндский,

канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Института российской истории РАН, г. Москва

ОСОБЕННОСТИ КАРАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СТАЛИНСКОЙ ВЛАСТИ В ОТНОШЕНИИ ЧЛЕНОВ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В 1939–1941 гг.

После опустошительного Большого террора 1937–1938 гг. в 1939–1941 гг. сталинский режим продолжал жестокие репрессии «церковников» и «сектантов», т. е. священно- и церковнослужителей и мирян разных конфессий, обрушивая их прежде всего на тех, кто выделялся своим активизмом: в выступлениях в защиту церквей, в нелегальной церковной деятельности, в попытках расширить сферу религиозного влияния, в откровенных суждениях о тяготах советской жизни и т. д. Документов об этом много... Но надо сказать, что именно в этом, в главной установке на пресечение церковного активизма, было важное отличие репрессий 1939–1941 гг. от репрессий 1937–1938 гг., опиравшихся главным образом на картотеки, списки и «лимиты». В 1939–1941 гг. «брали» тех, кто выделялся в ненужную сторону, был слишком деятелен в обстановке культивируемой всеобщей социальной пассивности. «Религиозники», «сектанты», «церковники» по-прежнему генерировали вредное для советской власти инакомыслие, из их среды выходили крамольные речи и антисистемные действия в виде бойкота выборов, нежелания работы на колхоз и т. д., что представлялось «Системой» как «антисоветские» проявления, «контрреволюция» и т. д., а потому подлежало искоренению. Об этом свидетельствуют и материалы новой переписи 1939 г. (вопроса о религии там не было, но о настроениях верующих счетчики докладывали)¹, и чекистские сводки², и донесения советских и пар-

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 285. Л. 57–67, 90–93, 109–111.

² Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. М., 2009. С. 221, 223, 277, 333, 392, 396, 511, 601, 602.

тийных органов³. Протестные настроения верующих стали главным объектом этого предвоенного чекистского удара. «Борьба с церковной контрреволюцией» все время оставалась для чекистов одним из главных направлений деятельности.

К услугам советских карателей был сохранившийся, отлаженный и в чем-то усиленный фальсификаторский аппарат (машина террора), заряженный на репрессии инакомыслящих. Продолжали фальсифицироваться индивидуальные и групповые дела, арестовывались, пытались, убивались, бросались в тюрьмы и лагеря церковные иерархи, священнослужители (в их числе настоятели церквей) и церковнослужители, миряне⁴, а также представители других, в отличие от православия, конфессий⁵. Достоверной статистики этого периода репрессий пока нет. Разные цифры называются в историографии. Понятно, что они были значительно меньше репрессированных в годы Большого террора, но понятно также, что речь идет о многих тысячах людей и что этот удар для церквей и конфессий, религиозных общин был очень жесток и болезнен.

Помимо продолжения практики репрессий за сфабрикованную «контрреволюцию», а также антисистемные настроения и поступки чекисты в «бериевскую оттепель» предпринимали меры по усилению контроля за церковной и конфессиональной средой. Прежде всего, они совершенствовали систему всеобщего учета всех подозрительных. 11 октября 1939 г. вышел подписанный Л.П. Берией приказ НКВД СССР «О введении единой системы оперативного учета антисоветских элементов, выявляемых агентурной разработкой», утвердивший и инструкцию в развитие этого документа. В приказе задача постановки «антисоветских элементов» на учет прямо связывалась с их будущими репрессиями; учет должен был помогать вскрытию и разгрому «контрреволюционных формирований». Среди тех, из кого надо было формировать контингенты для такого учета, значились: «15) по религиозным общинам – церковники, сектанты и рели-

³ Советская повседневность и массовое сознание: сб. док. М., 2003. С. 403–409; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 44. Л. 15–38; Колхозная жизнь на Урале: сб. док. М., 2006. С. 165–168.

⁴ См. об этом обширную информационную базу на сайте Православного Свято-Тихоновского государственного университета (ПСТГУ). URL: http://kuzl.ptsbi.ccas.ru/bin/db.exe/no_dbra.../nm? [в дальнейшем шифр этот тождествен для всех данных поисковой базы ПСТГУ. – И.К.]; Дамаскин (Орловский), игумен. Жития новомучеников и исповедников российских XX века. Январь–Июль. Тверь, 2006–2016; Он же. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 6, 7. Тверь, 2002.

⁵ Фаст М.В., Фаст Н.П. Нарымская голгофа. Материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. Томск: М., 2004.

гиозный актив; 16) члены тайных мистических обществ и кружков, масоны, теософы, богословы и т. п.; 17) все бывшие кулаки; 18) «бывшие люди» и другие»⁶. Излишне говорить о том, что бывшие кулаки и «бывшие люди» выделяли из своей среды различных религиозных активистов. На поставленных на учет заводились так называемые литерные дела. Проходящие по ним лица должны были быть обеспечены «систематическим агентурно-осведомительным освещением», т. е. на слежку над ними должны были быть ориентированы агенты-сексоты. Если в такое дело поступали компрометирующие материалы, то на учетных лиц должны были заводиться уже особые дела-формуляры. И такие фигуранты подлежали уже активной агентурной разработке⁷. Именно такие дела и служили предпосылками будущих новых арестов. Поэтому оговаривалось, что они используются и на следствии⁸.

В «бериевскую оттепель», как и в предшествующие годы, продолжали издавать и особые чекистские приказы, направленные на усиление борьбы с «церковниками» и «сектантами». Историк А.Г. Тепляков упоминает о том, что в августе 1940 г. омским чекистам была разослана инструкция местного управления НКВД «Об агентурно-оперативной работе с контрреволюционной деятельностью церковников и религиозных национальных (немецких и других) сект», в которой, в числе прочего, сообщалось о выпуске специального сборника справок по контрреволюционной деятельности «церковников» и сект в помощь оперативным работникам, так как в «органы НКВД на оперативную работу пришло много новых людей, не имеющих достаточного теоретического и практического опыта в агентурно-оперативной работе вообще и, в частности, по контрреволюционному сектантству и церковникам»⁹. К указанному следует добавить, что подобные местные инструкции обычно издавались во исполнение приказов начальства НКВД в Москве. В данном случае не приходится сомневаться, что такой приказ НКВД (как именно наркомата) об агентурно-оперативной работе в отношении церковников и сектантов в 1940 г. был, но пока остается недоступен исследователям.

Эта массово внедряемая чекистами в 1920–1930-е гг. в конфессиональную среду агентура, в которую входили и священники, и настоятели церквей, и члены церковных двадцаток, и даже иерархи,

⁶ Накануне холокоста. Фронт литовских активистов и советские репрессии в Литве, 1940–1941 гг.: сб. док. М., 2012. С. 474, 475.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 475.

⁹ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2006. С. 158.

серьезно работала. Важен вопрос о действенности таких агентов: кто из них на самом деле активничал, а кто таковыми просто числился. Несомненно, что действенные агенты играли важную роль в разворачивании и предвоенных репрессий. Их доносы и показания на следствии были важной составляющей сфабрикованных «дел». Необходимо понимать, что среди функций чекистов в церковных структурах были не только репрессии, но и разложение (наводнение агентурой, поощрение доноительства, компрометация духовных авторитетов в глазах верующих). Последнее прямо прописывалось в секретных чекистских документах. Применительно к «бериевскому» периоду репрессий роль доносов значительно возрастает и в их числе – доносений агентуры¹⁰.

В сохранении репрессивного характера карательной политики советской власти по отношению к «церковникам и сектантам» имело значение и то, что по-прежнему актуальными оставались задачи социальной инженерии, предполагавшей борьбу за социально однородное общество, за воспитание нового человека, и, соответственно, сохранялась сама установка на подавление и уничтожение тех элементов, которые, по представлению системы, мешают этим процессам.

Чекистскими методами также пытались возместить недостаточную эффективность антирелигиозной пропаганды, кризис которой явно обозначился в предвоенные годы.

Что касается вновь присоединенных в 1939–1940 гг. к СССР земель (западные Украина и Белоруссия, республики Прибалтики, Молдавия), то важно отметить, что новая церковная политика на новых землях стала более мягкой, чем в СССР в эпоху предшествовавших 1930-х гг. Воинственного антирелигиозного наступления по обычным прежним советским образцам там не проводилось. Происходило так из-за опасений слишком восстанавливать против новой власти местное население и усиливать, таким образом, быстро образовавшееся там антисоветское подполье. Сохранено было большинство православных храмов и монастырей, не арестовывались так массированно священно- и церковнослужители и миряне, как в годы советских террористических кампаний 1930-х гг. Хотя жестокие репрессии в конфессиональной среде, как показывают документальные свидетельства, на присоединенных территориях проводились. Просто они имели определенную направленность, специфическую

¹⁰ См. о проблеме чекистской агентуры в церковной среде: Дамаскин (Орловский), игумен. Жития новомучеников и исповедников российских XX века; Он же. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия.

именно для этой политической ситуации: острые работы карательных органов было направлено, в первую очередь, на проводников «враждебного» западного политического влияния – на протестантов и католиков, униатов, на происходящих из русской эмиграции и связанных с эмигрантскими кругами православных активистов различных упраздненных общественных объединений, усердных в деле религиозной проповеди и общественного служения, на журналистов, публицистов, писателей, сотрудников «Вестника русского студенческого христианского движения» и др. Многих таких по фальсифицируемому потоком «делам» расстреливали или отправляли в лагеря, и часто на верную гибель¹¹.

Свою жатву в конфессиональной среде взяли и массовые предвоенные сталинские депортации из Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавии, Латвии, Литвы и Эстонии¹².

Сталинский режим целенаправленно уничтожал управленческую и интеллектуальную элиту аннексированных им территорий. В ее контингентах конфессиональный элемент занимал свое важное место. Также нельзя забывать, что на новых территориях сталинским режимом были уничтожены все прежние конфессиональные общественные объединения, включая и православные. Не могло быть больше места для их легального общественного служения – благотворительного, миссионерского, культурно-просветительского. Теперь вся деятельность верующих должна была быть ограничена их приходами («двадцатками», по советским законам) и заперта в стенах их храмов (или иных молитвенных зданий)¹³.

Важна проблема «бериевской оттепели» в контексте карательной политики советского государства в 1939–1941 гг. Изучение источников и фактов показало несостоятельность существующих в литературе представлений о «бериевской оттепели» как о широкой амнистии, вернувшей свободу значительной части священно- и церковнослужителей и мирян, отправленных в годы террора 1937–1938 гг. в лагеря по делам «церковной контрреволюции», ставшей показателем и общего «потепления» государства в отношении религии. Механизм реабилитации при исправлении «ежовских перегибов» после выхода из Большого террора был создан и затем действовал такой, что сама реабилитация (отмена неправосудных приговоров, выпуск безвинно

¹¹ URL: http://kuzl.ptsbib.ccas.ru/bin/db.exe/no_dbpa.../nm?

¹² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Кн. 2. (1 января 1941 г. – 21 июня 1941 г.). М., 1995. С. 149, 170–183, 193; Сталинские депортации. 1928–1953: док. М., 2005. С. 188.

¹³ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX в. М., 2010. С. 136; На пути к свободе совести. М., 1989. С. 378–386.

осужденных из лагерей и тюрем) носила минимальный, произвольный и выборочный характер. Выживших в жерновах 1937–1938 гг. священно- и церковнослужителей и активных мирян такая «оттепель» затронула в небольшой степени. Испытывавшие надежду на восстановление справедливости после замены Ежова на Берию в массовом порядке сталкивались или с отказами в пересмотре их дел, или с такими «пересмотрами», которые только подтверждали прежние приговоры. В своем подавляющем большинстве такие заключенные погибли от невыносимых условий содержания в 1941–1943 гг. Часть жалоб просто отбраковывалась по причине «классовой чуждости» осужденных. Категория «церковники» как социальная характеристика была явно неблагоприятным для них в этом процессе обстоятельством¹⁴. Нельзя приплюсовывать к числу выпущенных в результате «бериевской оттепели» тех зеков, которые вышли в 1939–1940 гг. на свободу *по причине окончания их сроков заключения*, а такие ошибки существуют в литературе¹⁵.

Непоследовательная и кратковременная «бериевская оттепель» была свернута весной 1940 г.¹⁶

Какая-либо широкая или серьезная реабилитация невинно осужденных, при происходившем тогда конъюнктурном репрессировании части «ежовских» следователей, представляла бы угрозу «Системе», и власть сделала все возможное, чтобы ее не допустить, и сделанное ею в этом направлении трудно расценить иначе, чем фарс.

¹⁴ URL: http://kuzl.ptsbi.ccas.ru/bin/db.exe/no_dbpa.../nm?

¹⁵ См. об этом: Уйманов Н.В. Ликвидация и реабилитация: Политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919–1941 гг.). Томск, 2012. С. 386–400.

¹⁶ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. М., 2008. С. 482, 506, 507.